

Умножая и частію видозмѣняя напѣвы, они всегда поставляли ихъ въ связь съ древними музыкальными началами. Всякая попытка къ свободному творчеству внѣ этихъ началъ навлекла бы на творцовъ мелодій обвиненіе въ *новизнѣ* и въ искаженіи важности и святости церковной музыки. Напротивъ того во многихъ городахъ греческаго востока, особенно въ Константинополѣ, издано нѣсколько сборниковъ мелодій, романсовъ или пѣсенъ, нотированныхъ по восточному и сочиненныхъ по большей части церковными музыкантами по теоріи гласовъ церковной музыки. Пѣсни эти вовсе не гармонизированы, потому что византійская теорія не признаетъ другой гармонизаціи, кромѣ *исона* ¹⁾.

8. Воспитательное и руководительное значеніе музыки и церковнаго пѣнія у грековъ.

Древніе греки приписывали музыкѣ божественное происхожденіе. По ихъ мнѣніямъ первый музыкальный инструментъ—лиру изобрѣлъ Гермесъ, первымъ же музыкантомъ, а вмѣстѣ главою и покровителемъ пѣвцовъ и музыкантовъ изъ людей былъ Аполлонъ. Музы и пѣвцы творили и пѣли свои пѣсни по божественному вдохновенію и пользовались особою близостію къ божествамъ, ихъ покровительствомъ и милостями. Сообразно съ этимъ музыка у грековъ была любимымъ, а вмѣстѣ и почетнымъ занятіемъ. Она была для нихъ, безъ различія ихъ состоянія и общественнаго положенія, необходимою принадлежностью религіозныхъ праздниковъ, спутницею ихъ трудовъ и благодушнаго отдыха, усладою пира, средствомъ разгоняющимъ скуку, оживляющимъ ихъ игры, вселяющимъ бодрость духа и мужество въ битвахъ и несчастіяхъ. По Гомеру, юноши, послѣ жертвоприношенія, весь день умилостивляютъ Аполлона пѣснями въ честь его; буйные жепихи Пенелопы приглашаютъ на пиръ *божественнаго* пѣвца; Ахиллесъ игрою на лирѣ прогоняетъ тоску бездѣйствія при корабляхъ; нимфа Калипсо и волшебница Цирцея поютъ во время пряденія. Съ музыкой войны вступали въ битву и флоты въ экспедицію. Жнецы, мальчики, пастухи, гребцы, рабы и даже нѣкоторые живописцы имѣли извѣстныя пѣсни, которыми сопровождали свою работу ²⁾. Даже въ средніе

¹⁾ Таковы, на примѣръ, сборники подъ заглавіями: „Евтерпа“, „Пандора“, „Музыкальная Апологія“, Г. Зографа Кейвели, 1872 г. и друг. см. *Etudes Musique Eccles. Greque*. В. Ducoudray. стр. 63 примѣчаніе.

²⁾ См. „Значеніе музыки въ древне-греческомъ воспитаніи“, Е. Венекъ. Журн. „Гимназія“, Ревель, августъ—сентябрь 1892 г., стр. 643—652.

вѣка не только государственные мужи, но и греческіе императоры (Неронъ, Θεодосій младшій) не чуждались игры на музыкальныхъ инструментахъ и пѣнія.

Понятію о музыкѣ греки давали широкое значеніе. Въ область его входили: живая рѣчь и декламація, пѣніе и его инструментальное сопровожденіе и наконецъ мѣрные тѣлодвиженія, особенно рукъ и верхней половины туловища, или пляска. Всѣ эти элементы, дѣйствуя въ связи и гармоніи между собою, имѣли великое моральное значеніе какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни людей. Могущественное вліяніе музыки на обузданіе грубыхъ природныхъ силъ и смягченіе нравовъ народныхъ весьма ясно обрисовывается въ мѣоахъ о древне-эллинскихъ пѣвцахъ. Ороей, по преданію, увлекалъ своимъ пѣніемъ скалы и деревья, останавливалъ рѣки въ ихъ теченіи, укрощалъ дикихъ звѣрей и возбуждалъ состраданіе даже въ суровыхъ властителяхъ айда ¹⁾. Музыка, по Платону, смягчаетъ суровость жизни и нравовъ ²⁾. Но она имѣетъ великое вліяніе и на отдѣльныя стороны жизни людей и, такъ сказать, управляетъ ими. Чтеніе стиховъ и пѣніе, а равно и инструментальное ихъ сопровожденіе, возбуждая въ слушателяхъ тѣ или другія чувствованія, сообщали ихъ душевнымъ движеніямъ то или другое направленіе, располагая ихъ то къ веселому, то къ печальному настроенію духа, внушая имъ то религіозныя чувства, то мужество, воспламеняя, или укрощая ихъ страсти. „Пѣніе, говоритъ греческій монахъ и философъ Евѣимій Зигабенъ, имѣетъ огромное вліяніе на образованіе характера, на его исправленіе, на его измѣненіе и упорядоченіе. И потому-то еще въ глубокой древности извѣстны были различнаго рода пѣсни; такъ, напримѣръ, были пѣсни самаго невиннаго свойства и наоборотъ были пѣсни съ характеромъ романическимъ; однѣ были, далѣе, такія, которыя возбуждали въ душѣ настроеніе воинственнаго, другія, напротивъ, дѣйствовали на нее успокоивающимъ образомъ; пныя раждали въ душѣ скорбь, другія, наоборотъ,— радость; пѣкоторыя дѣйствовали возбуждающимъ, а иныя расслабляющимъ образомъ на душу ³⁾).

Поэтому-то у грековъ музыка непременно входила въ кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ школахъ, и среди ихъ имѣла первое

¹⁾ Миѣъ объ Ороеѣ и женѣ его Евридикѣ; срв. миѣъ: о флейтѣ Аполлова, о лирѣ Амфіона и проч.

²⁾ De republ. III, p. 410. D.

³⁾ Предисловіе къ „Толковой Псалтири“, гл. IX. Изд. Кіево-печерской лавры. Кіевъ. 1883 г.

мѣсто въ воспитаніи юношества, содѣйствуя его облагороженію, образованію характеровъ, добрыхъ нравовъ и склонностей. Возбуждая жизнерадостное чувство и сообщая всѣмъ силамъ и дѣйствіямъ человѣка красоту и гармонию, она была матерію всѣхъ добродѣтелей, устроительницею въ жизни человѣка всякаго порядка и гармоніи.

Воспитательную силу музыки древніе греки вѣстности полагали въ слѣдующемъ:

1. „Музыка есть средство настраивать душу на нужный ладъ“ (Cic. de legg II, 15). Поэтому, когда она имѣетъ *серьезный* характеръ, то дѣйствуетъ на душу *облагораживающимъ* образомъ. Она, при частомъ повтореніи, безъ сознанія самого воспитанника, вселяетъ въ него *любовь къ прекрасному и высокому* не только въ самой музыкѣ, но и въ другихъ областяхъ. Она научаетъ воспитанника радоваться хорошему, увлекаться имъ и питать отвращеніе отъ всего гадкаго, противнаго добродѣтели. „Такъ какъ правдивость все падаетъ, говоритъ Платонъ, то боги дали намъ изъ состраданія музыку съ торжественной пляскагой. Въ соединеніи этихъ искусствъ заключается сила, обучающая прекрасному и приличному“. Подобнымъ образомъ дѣйствовала на человѣка философія; почему Сократъ въ философіи видѣлъ лишь завершеніе музыки (Grasberger. II, 354) и самъ подъ старость занялся этимъ искусствомъ. Поэтому же трактаты о музыкѣ всегда излагались въ системѣ наукъ философскихъ.

2. Музыка есть средство къ *очищенію* (*κάθαρσις*). Она, успокоивая всѣ волненія, нарушающія равномѣрное теченіе жизни, удерживаетъ юношу на истинномъ пути, вселяетъ, укрѣпляетъ и развиваетъ въ немъ гармонию и врачуетъ всѣ болѣзни духа. „Въ школѣ Пифагора были мотивы, оказывавшіе сильное дѣйствіе противъ меланхолии и угрызеній совѣсти, противъ гнѣва и озлобленія, противъ страстей и сильныхъ желаній. Наполнена ли душа страхомъ и опасеніемъ, музыка очищаетъ ее; постигла ли человѣка печаль или горе, музыка даетъ возможность забыть ихъ. Вечеромъ, ложась спать, пифагорейцы очищались пѣніемъ отъ всего, что въ теченіе дня нарушило въ нихъ гармонию духа; утромъ они прогоняли пѣніемъ ночныя грезы (Schmidt. I, 193).

3. Таково дѣйствіе внутреннихъ свойствъ музыки. Но музыка состояла изъ пѣнія, аккомпанемента и пляски, соединенныхъ гармонически, а потому дѣйствовала на человѣка и внѣшнимъ образомъ. Необходимость припоравливать голоса къ звукамъ лиры, тѣлодвиженій—къ музыкальному такту, развивала въ юношахъ *симообладаніе*, подчиненность извѣстнымъ правиламъ и

ловкость, и музыка являлась, такимъ образомъ, прекраснымъ дисциплинарнымъ средствомъ для воинов¹⁾. Но, по словамъ Платона, воспитательно дѣйствуетъ только музыка, соединенная съ поэзіей, которая *высокія слова* передаетъ въ подобающей формѣ и достойнымъ мыслямъ даетъ крылья, посредствомъ которыхъ онѣ возносятся до высотъ эфирныхъ. Музыка же отдѣльно взятая отъ текста и пѣнія, вслѣдствіе безпредѣльнаго множества идей, которыя она безъ опредѣленнаго образа вводитъ въ душу, вызываетъ меланхолію и, при частомъ употребленіи, ослабляетъ духъ и потому непригодна и вредна для неустойчиваго и нетвердаго самого по себѣ ювешества²⁾.

Въ рукахъ правителей народныхъ музыка, въ обширномъ смыслѣ слова понимаемая, была вспомогательнымъ средствомъ для достиженія политическихъ и соціальныхъ цѣлей,—въ возбужденію въ народѣ тѣхъ или иныхъ расположеній духа и доблестей. Исторически извѣстно обаятельное дѣйствіе на слушателей ораторской декламации аѳинскихъ ораторовъ (напримѣръ, Демосѳена) и чтенія въ праздникъ Панаѳинеевъ и на олимпійскихъ играхъ исторіи Геродота. Но еще большее впечатлѣніе на народъ производило распѣвное чтеніе стиховъ, напримъ, *Иліады* Гомера, одъ Пиндара и др. При Гиппархѣ поэмы Гомера читались и пѣлись публично въ праздникъ Панаѳинеевъ для возбужденія уснувшаго героизма аѳинянъ. По мнѣнію Периклова наставника Дамона и Платона, музыка и ея характеръ имѣютъ великое вліяніе даже на государственное устройство. Это происходитъ такимъ образомъ: музыка вліяетъ на *ἦθος*—образъ и направленіе мыслей человѣка; образъ мыслей обусловливаетъ дѣла человѣка, его отношенія ко всему окружающему; а это въ свою очередь—государственное устройство и законы. Такимъ образомъ, музыка, воспитывая людей въ добродѣтели, разсудительности и гармоніи, обезпечиваетъ согласіе и гармонію въ государствѣ. Измѣненія въ музыкѣ влекутъ за собой измѣненія во всемъ государственномъ строѣ³⁾.

Древніе не только музыкѣ вообще, но и каждому ея *роду* и *ладу* вѣдливо, равно какъ тому или другому мелодическому движенію, и даже инструменту, производящему звуки, усвоили

¹⁾ Е. Веттнекъ, въ вышеназванномъ сочиненіи.

²⁾ Plat. Legg. II, p. 669. Тамъ же.

³⁾ Plat. de republ. p. 424. Д. Е. Веттнекъ, тамъ же. О вліяніи музыки на развитіе чувства см. еще въ соч. С. И. Миропольскаго: „О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и западной Европѣ“, изд. 2-е, Спб. 1882 г. стр. 95—99.

особое дѣйствіе на слушателя. Съ перемѣною мелодіи и частностей музыкальнаго выраженія, по ихъ наблюденіямъ, измѣняется и дѣйствіе музыки на слушателей. Разсказываютъ, что Пифагоръ съ перемѣною флейты перемѣнилъ и свои чувства къ горячо нѣкогда любимому имъ юношѣ. Нѣкто въ пылу гнѣва бросился съ мечемъ на своего противника, но какъ только послышалась не соответствующая этому его чувству музыка, гнѣвный порывъ его тотчасъ же пропалъ. Разъ Тимоѳей во время пира и среди общаго веселья громко и высокимъ голосомъ запѣлъ извѣстную пѣсню и тѣмъ возбудилъ въ душѣ Александра Македонскаго такую отвагу, что тотъ немедленно поднялся съ своего мѣста, одѣлся въ воинскіе доспѣхи и быстро устремился впередъ ¹⁾.—Изъ греческихъ *родовъ* пѣнія одни способны вызывать въ слушателяхъ религіозныя чувства, другіе скорбь и состраданіе, иные же любовь и нѣжность. *Діатоническій родъ* пѣнія Аристидъ называетъ благочестивымъ и важнымъ, *хроматическій* — пріятнымъ и трогательнымъ, *эгармоническій* — нѣжнымъ и страстнымъ ²⁾. Точно также и каждый изъ древнихъ греческихъ *ладовъ*, имѣя опредѣленное устройство и опредѣленный характеръ, производилъ на слушателей особое только ему свойственное дѣйствіе. *Дорійскій ладъ* былъ признаваемъ эллинами *священнымъ*, потому что располагалъ къ важнымъ мыслямъ и религіознымъ чувствованіямъ, и производилъ успокоивающее настроеніе. Существуетъ сказаніе о Пифагорѣ, что онъ, встрѣтивъ упившихся на пиру, велѣлъ свирѣльщику перемѣнить мотивъ и играть на *дорическій* ладъ. „Отъ этой игры пирующие такъ образумились, что, сбросивъ съ себя вѣнки (знаки веселія), разошлись со стыдомъ“ ³⁾. Ладъ *фриійскій* возбуждалъ духъ мужества и употреблялся какъ средство, располагающее гражданъ къ самоотверженію. Употребленіе только этихъ важныхъ по своимъ свойствамъ двухъ ладовъ — *дорійскаго* и *фриійскаго* — Платонъ дозволяетъ для гражданъ своей „республики“ ⁴⁾. Ладъ *лидійскій* — мягкій, изнѣживающій, онъ не одобряетъ.

Могущественное и притомъ многостороннее и разнообразное дѣйствіе музыки и ритма на людей вполне признавалось и въ христіанской церкви, почему нѣкоторые виды этихъ искусствъ допущены къ употребленію и въ христіанскомъ богослуженіи.

¹⁾ Евѳимій Зигабень, стр. 13. См. еще краткую, но дѣльную статью о вліяніи музыки на людей и животныхъ въ журн. „Нива“ за 1883 г. № 26, стр. 623.

²⁾ De musica. р. 3, с. 11. „Обзоръ пѣснопѣвцевъ“, стр. 201.

³⁾ Василій Великій. Твор. св. отецъ, 1846 г., т. 8, стр. 360—361.

⁴⁾ „Церк. пѣніе въ Россіи“, прот. Д. В. Разумовскаго, стр. 10.

„Мы по природѣ любимъ пѣніе и стихи, говоритъ св. Іоаннѣ Златоустъ; плачущее дитя успокаивается, слушая ихъ. Дорожные люди, трудясь въ полдень съ рабочими животными, пѣніемъ облегчаютъ скуку пути и для себя и для нихъ. Тоже дѣлаютъ земледѣльцы, виноградари. Когда слушаютъ пѣніе и пѣсни, сноснѣе становится трудъ и работа“¹⁾. „Пѣсня, пишетъ Евв. Зигабень, свое дѣйствіе производитъ обыкновенно на женщину скорѣе, чѣмъ на мужчину, на несовершеннолѣтняго не меньше дѣйствуетъ, какъ и на совершеннолѣтняго, на дикаря не меньше, какъ и на человѣка образованнаго, на невѣжду не меньше ученаго“²⁾. Упомянувъ затѣмъ о дѣйствіи музыки на животныхъ, онъ продолжаетъ: „наслажденіе (отъ музыки) одинаково овладѣваетъ разумною и неразумною частью души человѣка“. Вотъ почему и было введено въ употребленіе (въ церкви) пѣніе псалмовъ³⁾.

Итакъ основаніемъ для употребленія пѣнія въ христіанской церкви служитъ то духовное наслажденіе, которое получаютъ отъ него люди безъ различія пола, возраста и состоянія. Церковное пѣніе, по отзывамъ христіанскихъ писателей, то наполняетъ душу небеснымъ восторгомъ, то вызываетъ слезы умиленія. Оно возвышаетъ нашу мысль надъ всѣмъ земнымъ, примиряетъ съ самими собою и ближними, уменьшаетъ наши немощи, облегчаетъ наши скорби, согрѣваетъ наше сердце небесною любовью и уподобляетъ насъ ангеламъ. Однако пѣніе не есть цѣль церковныхъ собраній или средство ко спасенію, какъ мечтательно думали нѣкоторые еретики церкви, называя оное „великимъ дѣломъ возвышенія духа надъ тѣломъ“⁴⁾, но есть только вспомогательное средство къ руководству христіанъ церковною другими болѣе дѣйствительными для спасенія средствами и привлеченію ихъ къ благамъ духовнымъ. Отцы и учителя церкви, изъясняя вѣдѣности причины, по которымъ допущено Богомъ пѣніе при богослуженіи, говорятъ, что употребленіе его въ христіанской церкви и благоустроеніе происходитъ не отъ заботливости о ласкающемъ слухъ благозвучіи, а по инымъ, высшимъ побужденіямъ. Къ такимъ побужденіямъ они относятъ:

1. Отвлеченіе христіанъ отъ мірскихъ удовольствій и противодѣйствіе коварнымъ и вреднымъ наслажденіямъ, предлагаемымъ діаволомъ. Такъ какъ діаволь, говоритъ Еввѣмій Зигабень, посредствомъ наслажденія, обыкновенно скрывающаго въ

¹⁾ Бесѣда на псал. 41.

²⁾ Предисловіе къ „Толковой Псалтири“, глава IX.

³⁾ Подобную сему мысль высказываютъ Цицеронъ, блаж. Августинъ и др. См. „Церков. пѣніе въ Россіи“, прот. Разумовскаго, стр. 27.

⁴⁾ Гностики: Вардесанъ и Армоній.

себѣ какой нибудь коварный его умыселъ, старается губить чело-
вѣка; то Богъ съ своей стороны также посредствомъ наслаж-
денія, только не посягаго въ себѣ какого либо коварства и лу-
кавства и искусно приспособленнаго, вознамѣрился спасти че-
ловѣка отъ врага ¹⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ, упомянувъ о все-
общей любви людей къ пѣнію, продолжаетъ: „Итакъ поелику
сіе утѣшеніе весьма близко къ природѣ нашей“, то дабы діаволь
не развращалъ людей сладострастными пѣснями, Господь уста-
новилъ пѣніе псалмовъ, дабы изъ этого мы получали и удоволь-
ствіе и пользу“ ²⁾. Наконецъ изъ самой практики древней цер-
кви мы видимъ, что благолѣпное церковное пѣніе въ рукахъ ея
пастырей было весьма важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ
для отвлеченія христіанъ отъ мірскихъ утѣхъ, отъ театральныхъ
удовольствій и отъ участія въ еретическихъ собраніяхъ.

2. Возбужденіе усердія христіанъ къ священнымъ пѣснопѣ-
ніямъ и готовности воспринимать и усвоить полезное ихъ со-
держаніе. „Господь, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, соединилъ съ
пророчествами мелодію для того, чтобы всѣ, увлекаясь плавнымъ
теченіемъ стиховъ, съ совершеннымъ усердіемъ возглашали свя-
щенныя пѣснопѣнія“ ³⁾. Св. Василій Великій говоритъ: „Поели-
ку Духъ Святой звалъ, что трудно вести родъ челоѣческой къ
добродѣтели, что по склонности къ удовольствію мы нерадимъ о
правомъ пути, то (что дѣлаеть?) къ ученіямъ примѣшиваетъ прі-
ятность сладкопѣнія, чтобы вмѣстѣ съ усладительнымъ и благо-
звучнымъ для слуха принимали мы непримѣтнымъ образомъ и
то, что есть полезнаго въ словѣ“ ⁴⁾. „Пѣніе, далѣе говоритъ
Евѣимій Зигабенъ, умѣряеть острый вкусъ духовнаго врачевства
(предлагаемаго въ пѣснопѣніяхъ), подобно меду въ немъ под-
мѣшанному и растворенному, полезное дѣлающему вмѣстѣ съ
тѣмъ и пріятнымъ, а извѣстно, что то, что намъ нравится, го-
раздо охотнѣе воспринимается нами и долше въ насъ удержи-
вается“ ⁵⁾.

3. Насажденіе въ душахъ поющихъ христіанской *любви* и
единомыслія. Св. Ігнатій Богоносець, въ посланіи къ Римля-
намъ, убѣждая христіанъ не оставлять пѣснопѣній, говоритъ:
„Старайтесь, составляя лики въ единеніи любви, воспѣвать Отца
во Христѣ Іисусѣ“. Онъ же въ посланіи къ Ефѣсянамъ пишетъ:

¹⁾ Предисловіе къ „Толковой Псалтири“, глава IX.

²⁾ Бес. на псал. 41.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Св. „Церк. пѣніе въ Россіи“, Д. В. Разумовскаго, стр. 26.

⁵⁾ Предисловіе къ „Толковой Псалтири“, глава IX.

„Достопочтенные ваши пресвитеры, достойно поставленные отъ Бога, подобно какъ струны на цитрѣ, согласуютъ епископу своему и изъ многихъ гласовъ составляютъ одну пѣснь. Въ согласной и стройной любви вашей воспѣваете вы Христа Иисуса и всѣ составляете одинъ хоръ, чтобы, исполняясь въ единомысліи веселіемъ Божиимъ, пѣть единомысленно единымъ гласомъ“. „Часы и пѣсни церковныя, говоритъ св. Варсонофій (6 вѣка), установлены преданіемъ и устроены умно для единомыслія людей мірскихъ и тѣхъ, которые проводятъ жизнь общежительную¹⁾. „Пѣніе, говоритъ Евѣимій Зигабенъ, обладаетъ способностію поселять въ душѣ поющихъ *любовь и единомысліе*; какъ голоса ихъ при пѣніи сливаются въ одинъ общій тонъ, такъ точно объединяются различныя мнѣнія поющихъ и какъ бы сливаются въ одинъ стройный звукъ одно съ другимъ и всѣ со всѣми. И что другое также способно *примирять* людей, какъ общее молитвенное пѣніе, всѣмъ равно доступное и возносимое каждымъ и всѣми за каждога и за всѣхъ“²⁾.

4. Приведеніе (чрезъ пѣніе) души, т. е. ея различныхъ способностей въ *гармонію* и настроеніе ея къ высшимъ мыслямъ и благимъ расположеніямъ. Такого рода дѣйствіе музыки на людей было извѣстно еще древнимъ евреямъ. Въ школахъ пророческихъ она считалась средствомъ къ религіозно-вдохновенному настроенію человѣка (1 Цар. 10, 5 и др.), въ рукахъ же Давида разсѣивала припадки ипохондріи царя Саула (1 Цар. 16, 23). Но упорядочивающее, или же напротивъ нравственно разстраивающее вліяніе музыки на душу человѣка еще яснѣе сознавалось представителями и писателями церкви христіанской. Св. Аѳанасій Великій говоритъ: „Господь, желая чтобы мелодія была символомъ духовной гармоніи души, назначилъ пѣть псалмы мѣрно и читать ихъ на распѣвъ... Сопровождать псалмы пѣніемъ означаетъ не заботливость о благозвучіи, а знакъ гармоническаго состоянія душевныхъ помысловъ. . Хорошо поющій настраиваетъ свою душу и какъ бы изъ неровности приводитъ ее въ ровность, такъ что, пришедши въ естественное свое положеніе, она никакимъ не поражается смущеніемъ, а напротивъ дѣлается способною къ возвышеннымъ мыслямъ и сильное получаетъ расположеніе къ благамъ будущимъ; настроившись по мелодіи словъ, она забываетъ о страстяхъ, съ радостію взираетъ на умъ Христовъ и помышляетъ только о всемъ лучшемъ“³⁾.

¹⁾ Никона Черногорца Синаксарь; слово 28.

²⁾ Предисловіе къ „Толковой Псалтири“, глава IX, стр. 13.

³⁾ „Историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ“, преосв. Филарета Черниговскаго, стр. 59, Epist. ad Marcellinum.

Гармонію души, происходящую отъ пѣнія, подробнѣе объясняетъ Евѡ. Зигабенъ. Вотъ его мысли въ сокращеніи: часть *разумная* въ человѣкѣ, *чувствительная* и *желательная*, по мнѣнію толковниковъ божественнаго, сравниваются съ струнами музыкальнаго инструмента и звуками по ихъ высотѣ, силѣ и проявленіямъ (съ основнымъ звукомъ, квартою и квинтою). Въ частяхъ души, какъ и въ струнахъ, отъ напряженія одной и ослабленія другой, при ихъ взаимномъ согласіи и созвучіи, происходитъ прекраснѣйшая душевная гармонія ¹⁾. Затѣмъ, пришедши въ гармонію, душа человека получаетъ стремленіе къ благамъ духовнымъ. „Ничто не возбуждаетъ, не окрыляетъ такъ духа, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, ничто такъ не отрѣшаетъ его отъ земли и узъ тѣлесныхъ, ничто такъ не наполняетъ любовью къ мудрости и равнодушіемъ къ житейскимъ дѣламъ, какъ пѣніе стройное, какъ пѣснь священная, сложенная по правилу ритма“ ²⁾.

Отцами церкви не оставлено безъ строгаго анализа и дѣйствіе на душу человека того или другаго *рода* пѣнія или *лада* вчастности; вслѣдствіе чего одни изъ нихъ одобрялись для церковнаго употребленія, а другіе нѣтъ; одни получили широкое примѣненіе къ церковнымъ пѣснопѣніямъ, другіе же исключены изъ церковнаго пѣнія, или же являлись въ немъ лишь временно и, такъ сказать, случайно. Св. Климентъ, пресвитеръ и учитель Александрійскій (+210 г.), говоритъ: „надобно употреблять гармоніи (напѣвы) скромныя и цѣломудренныя, а нѣжныхъ гармоній, которыя страстными переливами голоса располагаютъ къ жизни изнѣженной и праздною, (ладъ *лидійскій*) надобно, сколько возможно, избѣгать; важныя и скромныя переливы голоса обуздають дерзость. Потому *хроматическія* гармоніи (а слѣдов. тѣмъ болѣе *энгармоническія*) должны быть предоставлены безстыдной дерзости, музыкѣ нецѣломудренной“ ³⁾. По его же замѣчанію „глубокая древность, естественность и величественная простота пѣнія *іудейскаго* доуженствовали оправдывать выборъ онаго для благочестія христіанскаго“, съ іудейскимъ же пѣніемъ имѣлъ большое сходство въ своихъ свойствахъ *ладъ дорическій*, отличавшійся особенною простотою, важностію и величіемъ“ ⁴⁾. А потому эти два вида пѣнія въ древней церкви считались особенно приличными христіанскому богослуженію. *Фриійскій ладъ*, возбуждающій духъ мужества, пользовался также особымъ вниманіемъ христіанъ.

¹⁾ Предисловіе къ „Толковой Псалтири“, гл. IX, стр. 14.

²⁾ Бесѣд. на 41 псал.

³⁾ Stromata.

⁴⁾ Тамъ же.

Съ измѣненіемъ греческихъ церковныхъ напѣвовъ въ средніе вѣка не могутъ быть къ нимъ съ точностію примѣнимы древнія названія по народностямъ (ладъ дорійскій, фригійскій и проч.), а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ отзывы о характерѣ и дѣйствіи на людей *ладовъ и гармоній*, которые мы встрѣчаемъ у Платона, Аристотеля, Плутарха и у древнихъ отцовъ церкви. „Каждый гласъ, говоритъ Крестъ, во всемъ и такія потерпѣлъ измѣненія, что весьма трудно приписывать тому или другому гласу какое либо извѣстное постоянное свойство“ ¹⁾. Однако и нынѣ, не смотря на разнообразіе и смѣшанность гласовыхъ византійскихъ напѣвовъ, отчасти возможна нѣкоторая общая характеристика каждаго изъ всеьми гласовъ. Такъ въ книгѣ: „Историческое извѣстіе о пѣніи Греко-Россійской церкви“ мы читаемъ слѣдующія о нихъ замѣчанія: „*Первый гласъ*, прямой, болѣе другихъ простъ, но вмѣстѣ важенъ и величественъ, способенъ настраивать душу къ возвышеннымъ чувствованіямъ; *второй гласъ* есть нѣжный, трогательный, сладостный, располагающій къ любви, умиленію, состраданію; *третій гласъ*—плавный, тихій, постепенный, но вмѣстѣ твердый, мужественный, способный укрощать страсти, водворять внутренній миръ; *четвертый гласъ*—быстрый, торжественный, восхитительный, возбуждающій радость и веселіе; *пятый гласъ*—косвенный *перваго прямого*, есть мрачный, унылый и вмѣстѣ растворенный чувствами радостными; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышающійся до торжественности четвертаго гласа; *шестый гласъ*, косвенный *второго прямого*,—весьма печальный, способный расположить душу къ сердечному сокрушенію о грѣхахъ, но вмѣстѣ и плѣнительный, наполняющій душу благоговѣйнымъ умиленіемъ; *седьмой гласъ*, называемый у грековъ „тяжелымъ“, есть гласъ важный, мужественный, какъ бы воинственный, вдыхающій бодрость, мужество, упованіе; *восьмой гласъ* весьма поразительный и печальный, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы плачевный и выражающій глубокую скорбь души“ ²⁾.

Съ своей стороны прилагаемъ въ русскомъ переводѣ общую характеристику византійскихъ гласовъ изъ греческаго Октоиха ³⁾.

¹⁾ Christ et Paranikas, Antholog. Graeca. Proleg. p. CXXII.

²⁾ „Христ. Чтен.“ за 1831 г. т. XLIII, л. 158. Подобную же характеристику церковныхъ греческихъ гласовъ мы видимъ въ разныхъ мѣстахъ книги: „Богослужебные каноны на греческомъ, славянскомъ и русскомъ языкахъ“, проф. Е. И. Ловягина.

³⁾ Греческій текстъ этихъ стиховъ взложенъ въ кн. Christ et Paranikas, „Antholog. Graeca“, Proleg. p. CXXII.

Г л а с ь I-й

Твоими звуками плѣняясь искусство пѣнья
 Тебя чтить *первымъ* мѣстомъ. О достойна честь!
 Гласъ, названный наукой музыкальной *первымъ*,
 Благословець да будетъ первый и отъ насъ.
 Ты *первый* первыя красотъ въ себѣ содержишь,
 Тебѣ прилично первепство вездѣ надъ всѣмъ.

Г л а с ь I

Г л а с ь II-й.

Хотя *вторымъ* по чину мѣстомъ ты владѣешь,
 Но первая, медовый, сладость отъ тебя:
 Твоя текущая струей медовой пѣсня
 Снабжаетъ тукомъ кости, сладостью сердца;
 Твои, конечно, пѣсни цѣли и сирены:
 Такъ нѣжно пѣснь твоя медовая течеть!

Г л а с ь III-й.

Хотя и *третій* ты, но доблестію зрѣлой
 Ты *третій* первому подобенъ изъ гласовъ:
 По истинѣ ты простъ, чуждъ всякаго тщеславья,
 И мужественъ, за что тебя по праву чтимъ:
 Царишь надъ сонмомъ трехъ тебѣ родныхъ напѣвовъ,
 Приличный сонму, строгій правящему чинъ.

Г л а с ь IV-й.

Торжественъ будучи и весель, ты несешь намъ
Четвертый даръ по музыкальному суду:
 Ликующимъ давъ руку ты искусственъ,
 Располагаешь даже звуками кимваль:
 Тебя *четвертый* гласъ, какъ полный благозвучья,
 Ликующихъ всѣ сонмы да благословятъ.

Г л а с ь V-й.

Весьма печалень ты и жалостію полонъ,
 Но ты порой не рѣдко и ликуешь въ тактъ.
 Смыслъ музыкальный, намъ указанный наукой,
 Признавшій рядъ названій *косвенныхъ* гласовъ,
 Тябя по чину *пятымъ*, *первымъ* же въ союзѣ,
 Гласовъ плагальныхъ славныхъ именемъ зоветъ.

Г л а с ь VI-й.

Шестымъ пѣвцомъ слывешь, но честию споришь съ первымъ,
 О ты, *второй*, вторично намъ звучащій пѣснь!
 Двойное ты несешь собою наслажденье,
Вторый прямой вторично вторя изъ гласовъ;
 Тебя медоваго и сладваго цикаду ¹⁾
Второго изъ плагальныхъ кто не ублажить?

Г л а с ь тяжкій VII-й.

Фалангѣ тяжкой въ битвахъ свойственныя пѣсни
 Содержишь ты, названье *тяжкій* получивъ;
 Кто ненавидитъ громкозвучныя бесѣды,
 Тотъ любить гласъ созвучный тяжкому простой;
 А пѣснь мужей шумишь ты звучно второ-третій,
 Разнообразенъ ты, но простъ въ своихъ друзьяхъ.

Г л а с ь VIII-й.

О ты гласовъ печать, *четвертый* изъ плагальныхъ,
 Вмѣстившій всякую искусной ткани пѣснь!
 Ты развернулъ широко звуки своихъ пѣсней,
 Явивъ себя вѣнцемъ гласовъ и ихъ концемъ;
 Тебя я крайняго по звукамъ и напѣвамъ
 Вдвойнѣ чту краемъ пѣнія, тебя и ихъ конецъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что пѣніе какъ Греческой, такъ и Русской православной церкви, донинѣ имѣетъ благотворное вліяніе на людей, хотя отдѣльные наши и греческіе гласы часто не совпадаютъ взаимно ни по своему строю, ни по характеру. Но сила этого вліянія не можетъ не ослабляться пынѣ отчасти вслѣдствіе смѣшенія въ пѣніи разныхъ его родовъ и видовъ, отчасти вслѣдствіе утраты пѣніемъ его древняго тупа, а также отъ размноженія сокращенныхъ напѣвовъ и особенно отъ увлеченія пѣвцовъ и слушателей новымъ, мірскимъ стилемъ музыки. Эти послѣднія два направленія, одно, основанное на практическомъ расчетѣ сокращенія часовъ богослуженія въ пользу житейскихъ интересовъ, другое—на угожденіи современному, увлекающемуся новизною, разнообразіемъ и внѣшнимъ блескомъ, вкусу публики, роняють достоинство церковнаго пѣнія, какъ пѣнія *богослужебнаго*, и парализуютъ его благотворное дѣйствіе на умы и сердца слушателей.

Изъ неофиц. ч. Костром. Епарх. Вѣдом. 1896 г.

¹⁾ Кузнечикъ, пріятно и нѣжно стрекочущій.